

Вандер Квин сидела на крыше Дирлиф-Холла. В животе у неё что-то вздрагивало. Мерцало. Щекотало. Как будто там порхают бабочки.

Холлоу, конечно, это заметил.

Холлоу видел всё, что касалось Вандер, даже крившееся глубоко внутри мерцание. Он покачал маленькой тёмной головой и вздохнул:

— Каждый год...

Внизу, под ними, в большие железные ворота, отделяющие школу от остального мира, толпой входили девочки. Ворота были такими же старыми и потрёпанными непогодой, как сама школа, зато девочки — новенькими, чистыми и сияющими.

Оттуда, где сидели Вандер и Холлоу, было непросто разглядеть, кто есть кто. Ученицы одевались одинаково — тёмно-синее платье длиной до икр, голубой кардиган и синие чулки с подвязками. Некоторые девочки ворчали по поводу школьной формы. Они называли её старомодной и безвкусной. Вандер так не считала. Форму она любила. Благодаря ей Вандер была такой же, как все. Она не чувствовала себя чужой в старой пыльной школе, была хоть чем-то связана с всё ещё чужими девочками.

Она рассматривала колыхающиеся головы и сияющие лица. Это, кажется, Амелия? А вон та — Элоиза? А вон та... Вандер узнала эту голову, эти снежно-белые волосы, задранный нос, острые, как наконецники стрел, скулы.

Джорджиана Кинч.

Она подавила дрожь, чтобы Холлоу ничего не заметил, отвела глаза от светловолосой девочки и снова принялась разглядывать толпу. Элис можно узнать по

розовому бантику, Джемайму — по густым чёрным кудряшкам...

Но, конечно, были и незнакомые. Ведь в первый класс пришли новенькие. Может быть — нечто в животе у Вандер затрепыхалось ещё сильнее — новенькая придёт и к ним. Девочка, приехавшая из-за моря. Девочка, которая много повидала. Много знает. Девочка с другого конца географической карты.

Вандер всегда хотелось путешествовать — по небу, по обширным неизведанным землям, по морям. Она мечтала купаться в водопадах, бегать с дикими лошадьми и есть спелое оранжевое манго.

Однако она торчала здесь, в Дирлиф-Холле, и... подруга из дальних краёв — это тоже очень хорошо.

Но, разумеется, не важно — абсолютно не важно, — откуда приедет новенькая. Лишь бы Вандер ей понравилась. Лишь бы она заметила её.

Подруга.

Вот было бы здорово.

Подруга, которая увидит и полюбит её душу. Которая узнает, какое у неё доброе сердце.

На это Вандер надеялась всегда. Столько лет.

До сих пор чуда не произошло. Но в этом году...

Вандер крепче вцепилась в чёрную черепицу. В этом году что-нибудь может измениться...

Вчера ночью — как всегда накануне первого учебного дня — Вандер не спалось. Она ворочалась в своей комнатке на чердаке, за школьным архивом.

Архив возник позже остальных школьных помещений, но тоже был старым. И никто туда не ходил, потому что там стояли только самые древние шкафы, в которых хранились только самые пыльные папки и самые старые бумаги. Новые шкафы и новые папки находились внизу, в кабинете госпожи Гэллоу.

Старый архив, который Вандер называла домом, служил вместилищем толь-

ко для мёртвых, покрытых пылью вещей. Тем не менее это было её место, и она его любила и всегда обретала там покой и утешение. Там можно было преклонить свою усталую голову и помечтать о чём-нибудь приятном.

Но только не в последнюю ночь каникул.

Даже не в предпоследнюю. В эти ночи, напоминающие край пропасти, глаза у Вандер не смыкались. Она лежала как кукла, у которой нет век, или как восковая фигура, которая не спит и не видит снов.

Она, возможно, сама поверила бы в это — что она восковая, а не настоящая, — если бы голова у неё не была полна мыслей. Разумеется, восковые фигуры и куклы не испытывают радостного трепета при мысли о новом годе, новых девочках, новых «возможно» и «а вдруг».

Вчера ночью Вандер пыталась думать о чём-нибудь красивом, например о павлинах и о феях, танцующих в солнечных лучах как золотые мотыльки. Она пыта-

лась читать. Даже петь. Она пела себе колыбельную, которую помнила с детства. Так её всегда убаюкивала мать.

*Мой милый, милый птенчик,
Спи в своём гнезде,
Скажи «спокойной ночи»
Золотой звезде.*

К сожалению, никакие «всегда» и «обычно» не помогали в канун первого учебного дня. Вандер только заскучала по матери. Но ненадолго. Потом радостный трепет вернулся снова.

Новый учебный год! Новые ученицы!
Может быть, подруга.
Вот было бы здорово.

Подруга, которая узнает её настоящую. Подруга, которая видит её душу. Подруга, которая заведёт часы и запустит Вандер заново.

Разве можно спать, когда буквально в двух шагах маячит вероятность больших перемен?

И теперь, сидя на крыше, Вандер тёрла глаза и зевала. Она ощущала усталость во всём теле. Зато мозг бурлил. Она сползла чуть ниже по черепице. Совсем немного, чтобы лучше видеть.

Теперь Вандер могла разглядеть лица...

Женевьева, Эванжелина, Лили... все те девочки, которые каждый год смотрели сквозь неё, как будто она была предметом мебели. Но Вандер не питала к ним злых чувств. Просто судьба не предназначала им стать её подругами.

Однажды наступит год, наступит день, когда она найдёт идеальную подругу. Девочку, чья душа будет точным отражением её души. Девочку, которая увидит, что Вандер хорошая. Девочку, которая поймёт, что внутри она чистое золото.

Не серая невидимка.

Живая.

И когда Вандер найдёт такого человека, остальное будет уже не важно. Что она потеряла мать. Что живёт в каморке за школьным архивом, невидимая и оди-

нокая. Что её единственный товарищ — сердитый ворон по кличке Холлоу.

Он взъерошил перья и посмотрел на Вандер чёрными, похожими на бусинки глазами, которые, казалось, проникали в самую душу.

— Снова мечтаешь, да? — спросил он. — Думаешь, что в этом году всё и случится? — Он издал звук, похожий на смешок.

— Не сглазь, Холлоу, — резко сказала Вандер. — Ты хочешь, чтобы я принадлежала только тебе.

— Зачем? Ты даже летать не умеешь. Я в тебе не нуждаюсь. Ворон не нуждается ни в ком, кроме себя. Это ты во мне нуждаешься.

— С какой бы стати? — спросила Вандер, хотя в глубине души знала, что он прав.

Холлоу не покидал её с тех пор, как она лишилась матери. Он заботился о ней. Помогал. У Вандер никогда не было более верного друга. Хоть Холлоу и утверждает,

что ему никто не нужен, стоит его позвать — и он оказывается рядом. Совсем как мать. И — совсем как мать — он учит Вандер жить. *Существовать*. Он придал ей форму и образ. Он поддерживает её в этом странном, путаном мире без матери.

Но в одном Холлоу ошибся. Он не всё, в чём она нуждается.

Когда с ней была мать, которая обнимала её и вела по жизни танцую, Вандер никогда не чувствовала одиночества. А теперь в её душе постоянно что-то ноет. Там образовалась дыра, которую Холлоу не мог заполнить.

Она оперлась подбородком на ладонь и посмотрела на последних девочек, входящих в Дирлиф-Холл. Их ноги оставили полосы на мокрой от росы траве и чёрные следы на серых каменных ступенях. Они вошли в сводчатые деревянные двери с потемневшими и скрипучими от старости петлями. Серые стены словно поглотили их. Девочки напоминали стай-

